

РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

DOI: 10.17805/zpu.2019.4.23

Размышления о русском масскульте (к выходу книги И. В. Кондакова)

А. В. КОСТИНА

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Рецензия на издание: Кондаков И. В. Русский масскульт: от барокко к постмодерну: монография. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 544 с. (серия «Humanitas»). Ключевые слова: массовая культура; И. В. Кондаков; барокко; Возрождение; Просвещение; литературная критика; рецензия

Только что вышедшая книга «Русский масскульт: от барокко к постмодерну» (Кондаков, 2018), написанная известным специалистом в области истории культуры, литературы и общественной мысли России, а также теории и истории искусства Игорем Вадимовичем Кондаковым, обладает несомненными качествами новизны и концептуальности. Работа привлекает к себе пристальное внимание уже постановкой главной проблемы — само словосочетание «русский масскульт» хотя и не является революционным, но и устойчивостью особой не обладает, кроме того, специфично время, избираемое автором для анализа: «от барокко к постмодерну».

Что означает данная формула? То, что автор утверждает: во-первых, «она возникла не в XX веке, а была и есть в каждой... культуре изначально», во-вторых, «истоки массовой культуры не могут иметь какое-то однозначное этнонациональное или региональное... происхождение», в-третьих, «массовая культура не может считаться продуктом какой-то одной общественно-исторической формации (там же: 5). Соответственно, генезис массовой культуры связан с ее выделением «из традиционной (народной) культуры» (там же: 7), где «массовая культура всегда существует в общем контексте культуры как ее часть, как ее составляющая, а значит, сохраняет определенные отношения с элитой и элитарной культурой» (там же: 9).

Если в исследовательской литературе по поводу принадлежности массовой культуры к отечественной культурной традиции принципиальных расхождений нет — большинство авторов рассматривают как прототипичные формы массовой культуры такие явления, как лубок, сентиментальный романс, балаганный театр, ярмарочные цирковые представления (Захаров, 2004; Костина, 2005), то по поводу двух других положений разнообразие позиций весьма велико, но в целом их можно свести к двум основным: «массовая культура — продукт индустриальной эпохи» и «массовая культура существовала всегда, она атрибутивна всем типам общества».

Первая позиция была с наибольшей обстоятельностью обоснована представителями Франкфуртской школы социальных исследователей, где массовая культура рассматривалась как продукт массового индустриального общества (в терминологии социально-философской) или общества капиталистического (в терминологии социально-экономической)¹.

Вторая точка зрения на данный тип культуры как «создаваемый массами с начала социального расслоения социума» представлена работами К. З. Акопяна, А. В. Захарова, С. Я. Кагарлицкой (Массовая культура, 2004) и др. Ее придерживается и автор книги «Русский масскульт: от барокко к постмодерну», рассматривающий массовую культуру как «извечный побочный продукт человечества», который существует в виде развлекательных форм и сопровождает развитие человеческого общества начиная с самых ранних этапов его развития.

С чем связано такое принципиальное расхождение суждений? Этому, на наш взгляд, есть несколько причин. Это и социально-историческая опосредованность науки и философии, где каждая эпоха рождает более или менее сходные взгляды в соответствии с уровнем знания и идеологическими установками — а две данные позиции сформированы разными историческими обстоятельствами. Это также стремление исследователей описать не только типологические явления, обладающие ярко выраженным сходством в рамках одного типа, но и те, что не укладываются в определенные границы, демонстрируя набор свойств различных типологических систем, характеризующих их как феномены промежуточные, рубежные, уникальные в своих свойствах. Одной из важнейших причин здесь также выступает та методология, в границах которой осуществляет свое исследование автор, — она выступает своеобразной матрицей, задающей поле и векторы авторских интерпретаций исследуемого феномена, начиная с самого главного — его определения. И это обстоятельство представляется решающим.

Та же самая методологическая ситуация характеризует функционирование такого понятия, как «личность»: в рамках психологии личность рассматривается как присущая любому человеку от рождения (как совокупность его психологических характеристик); в рамках философии — как те качества самостоятельности, ответственности, способности к творчески-преобразующей деятельности, которые человек обретает только в процессе своего развития и может не достичь необходимого уровня, различающего индивида и личность. В рамках обсуждаемой темы возможный спор относительно того, обладает ли носитель ценностей массовой культуры личностными характеристиками, также будет иметь два ответа: в рамках психологии — «да, безусловно», в рамках философии — «возможно, но не обязательно».

В связи с этим можно утверждать, что наличие двух принципиально различных точек зрения не означает верность только одной из них, исключающей право на существование другой. В рамках различных методологий ответ на один и тот же вопрос может быть различным.

Итак, чем привлекательна позиция И.В. Кондакова как ученого — литературоведа, искусствоведа, культуролога? Она позволяет охватить широкие процессы в русской культуре, связанные с ее развлекательными, массовидными формами, выделить те феномены и проявления культуры, которые трудно идентифицировать с каким-либо типом культуры и которые можно рассматривать как «промежуточные», получающие наименование «популярной» (Захаров, 2004) или «популярно-развлекательной» (Прокофьев, 1983), народной городской культуры (Каргин, Хренов, 1993: 127), культу-

ры «третьего пласта» (Конен, 1994). Сложность определения этих феноменов состоит в том, что в них в массовом проявляется индивидуальное (Ястребова, 1984), уникальное — в тиражированном, и наоборот (Зоркая, 1981), а главной особенностью этих форм выступает не их низкий уровень, а зрелищность и массовость распространения (Хренов, 1988).

Самое важное, что в количественном отношении эти промежуточные формы всегда являлись и являются преобладающими. Этот факт постоянно ставил исследователей массовидных форм культуры в сложное положение — описать и атрибутировать их оказывалось гораздо проще, чем соотнести их с каким-либо типом культуры (Костина, 2006: 96–109). В данной работе эта сложность преодолена. Автор, говоря о морфологии развлечений и карнавализации культуры, рассматривает такие культурные явления, тяготеющие к массовидности, как популяризация науки и превращение научного открытия в научную сенсацию (к самой науке уже не имеющего отношения), популярное искусство, приближающееся к подлинному, но в сильно упрощенном виде, политические комментарии, имеющие развлекательную природу, ироничное отношение к философии и самому философствованию наподобие насмешек Вольтера над философией Просвещения в «Философских повестях», религиозная вера, представленная в гротескном и пародийном виде в духе «Гавриилиады» А. С. Пушкина.

Автор монографии рассматривает предысторию русского масскульта, раскрывая его сакральные истоки, связанные с ранними массовыми ритуалами, с идеократией как временем власти идей в русской культуре XV–XVI вв., с секуляризацией культуры в XVII в., затем — собственно историю, связанную с русским Предвозрождением, породившим массу новых бытовых форм и жанров, затем — Предпросвещением и Просвещением, обратившихся к поискам «духа народности». В книге анализируется соотношение классики и массовой культуры, показана роль русской критики в массовизации русской классики, выделена функция демократизации критической литературы, которая приобретает черты ее популяризации. Автор прослеживает истоки и постмодернизма, обращаясь к работам начала XX в. В. Розанова и раскрывая в них постмодернистское начало, проявляющееся в многообразии интерпретационных значений, выступающих как равнозначные друг другу; в «искривлении» социокультурного пространства, передающего «мозаичность» мира; в «коллажной», «фрактальной» композиции текста; в гипер- и интертекстуальности (Кондаков, 2018: 506–507).

Позиция автора монографии выступает как позиция ученого, скрупулезно собирающего и фиксирующего все факты, связанные с функционированием культуры, но так и не получившие своего объяснения с точки зрения закономерностей ее развития. Действительно, к какому типу культуры можно отнести поэму Лукреция Кара «О природе вещей», где автор пропагандирует современные ему научные достижения, или комическое квазинаучное описание мухи у эллинистического автора Лукианы из Самосаты (там же: 36–42)? Чем является роман Д. Дидро «Жак-фаталист», содержащий описание бесконечных квазифилософских дискуссий между слугой Жаком и его хозяином? Как можно интерпретировать показанное автором явление «философского дилетантизма», превращенное русскими писателями-эссеистами в литературное развлечение? В монографии подобные феномены трактуются как массовидные формы, как феномен развлекательности в культуре, как карнавализация, позволяющая сопрягаться высокому и низкому, что приводило к появлению форм парадоксальных, не типичных. О них исследователи знали и ранее, им были посвящены многочисленные работы, однако эти феномены рассматривались, скорее, как исклю-

чение из правила, как некий парадокс мысли автора, проявление юношеского задора, разновидность философского или литературного юмора. В данной же книге автор доказывает, что эти проявления были яркими образцами массовой культуры, обладающими определенным набором качеств, присущих всем феноменам данного типа культуры. Это: «...общеинтересность содержания, доступность (клишированность, формульность) изложения, динамизм тематического развития, универсальность и простота жанров, увлекательность восприятия массовым реципиентом, установка на развлечение и психологическую разрядку потребителей как самоцель. И как результат — максимально широкая распространенность текстов масскульты среди носителей данной (этнической, национальной или региональной) культуры на всех ее уровнях» (там же: 6).

Эта позиция ученого, рассматривающего окружающую его реальность «сквозь стекло» (Межуев, 2006) — если пользоваться метафорой В. М. Межуева, — фиксирующего малейшие подробности этой реальности, видящего и отражающего все явления разной степени актуальности и распространенности.

Вторая позиция — позиция философа, рассматривающего мир «в зеркале», отражающем в первую очередь самого наблюдателя, фиксирующего в первую очередь те элементы культуры, которые обладают значимостью для него лично.

Таковыми были наиболее ранние работы, связанные с проблематикой массовой культуры, которые появились в ситуации смены культурной парадигмы рубежа XIX–XX вв. и были порождены социально-экономическими преобразованиями, приведшими к кризису культуры. Это были дискуссии не о массовой культуре, а о судьбе мировой цивилизации, которая «из сверкания небывалого яркого дня... без переходов погрузилась во внезапно разверзшуюся жуть» (Ландау, 1923) и превратилась «в обширное кладбище» (Виппер, 1918: 122). О. Шпенглер и Г. Ландау в это время пишут о «Закате Европы» и «Сумерках Европы», Р. Виппер — о «Гибели европейской культуры», З. Фрейд — о «Неудовлетворенности культурой». Х. Ортега-и-Гассет — чуть позже — о «Восстании масс».

Действительно, это время и для России, и для Европы было временем значительных социальных и экономических изменений, носящих системный, взаимообусловленный характер. В экономической области они означали формирование нового типа производства, основанного на конвейерном труде и капитале, в социальной — построение нового типа общества, где на смену сословной неподвижной структуре пришла динамичная классовая система, в политической — реализацию целого ряда реформ, направленных на демократизацию всех процессов. Индустриальное общество, основанное на стереотипизированном труде и требующее участия в конвейерном производстве больших масс людей, стало урбанизированным за счет стремительного роста городов вслед за развитием производств и маргинальным вследствие миграции огромных человеческих ресурсов к местам этого производства. Все это стало основой для формирования нового субъекта исторического действия, вырванного из традиции, отказавшегося от привычных социальных связей, принципиально изменившего род и характер каждодневной деятельности, самой значимой социальной характеристикой которой стала временная ограниченность, локальность, резко разделяющая время труда и время отдыха.

Традиционная культура органично вписывала праздники в систему трудовой деятельности, наделяя их статусом сакральности и высшей осмысленности. Досуговое же время индустриальной эпохи требовало своего наполнения — внеобрядового, не тра-

диционного, но столь же смыслонесущего. Индустриальная эпоха, лишив человека привычных для него матриц жизнеустройства, с экономической точки зрения была более прогрессивной — особенно для европейских стран, где индустриализация началась, по разным источникам, на 100 или даже 300 лет ранее. Этот факт отмечал в 30-е гг. XX в. Х. Ортега-и-Гассет, видевший причину массовизации в повышении уровня жизни и резком увеличении численности населения, которое «за все двенадцать веков своей истории, с шестого по девятнадцатый... ни разу не превысило ста восьмидесяти миллионов», а за столетие с небольшим «с 1800 по 1914 год... достигло четырехсот шестидесяти» (Ортега-и-Гассет, 1991: 313).

Демократизация всех социальных процессов, выступающая как процесс включения в реальный исторический процесс значительных людских масс, оборотной своей стороной имела упрощение культуры. Именно эта ситуация в значительной степени повлияла на формирование и той культуры, которую вследствие ее закрытости и недоступности для восприятия называли элитарной. Это намеренное стремление уйти от жизни в виртуальные миры творчества, духовных исканий, спастись в «башне из слоновой кости» от «жизненной прозы» было ярко выражено и в искусстве модерна, и в постклассической философии. Стремление уйти от социальных проблем и реального мира с его противоречиями явно прослеживается в философии А. Шопенгауэра, который первый из «философов жизни» поставил вопрос о необходимости спасения от «мира как воли» в «мире как представлении» (Шопенгауэр, 2011), а сама история стала мыслиться не как путь по пути прогресса (Кант, 1966), а как циклическая смена «стадий перерождения духа» (Ницше, 2007).

Массовая культура и была тем ярким проявлением кризиса культуры, от которого искали спасение представители постклассической философии. Таким образом, если оставаться в рамках предложенной социально-философской парадигмы, которой придерживается и автор рецензии, момент формирования массовой культуры прослеживается с полной очевидностью. Это рубеж XIX–XX вв., когда формируется новый тип общества — массовое индустриальное общество и новый тип культуры — массовая культура.

Таким образом, то, что определяется в самой книге уже на первой ее странице как дискуссионное положение, как особая авторская позиция, развитая в книге с большой степенью доказательности, является, на наш взгляд, особой методологией, в рамках которой развивается данное исследование. Эта методология в работе используется с целью объяснения существующих в культуре феноменов, имеющих развлекательную направленность как феноменов массовой культуры, история которой — как показано в книге — параллельна истории человека и общества. И эта позиция обоснована, а схема всей работы логична и последовательна.

Подводя итоги, можно отметить, что книга И. В. Кондакова «Русский масскульт: от барокко к постмодерну», так же как феномен массовой культуры, несет на себе печать времени, проявляя свою социально-историческую обусловленность. Многие сюжеты книги, не вписывающиеся в контекст классического труда о массовой культуре, находят здесь свое место, парадоксальным образом сочетаясь и позволяя рассматривать данную работу в качестве своеобразного постмодернистского текста, обладающего по крайней мере одним из основных свойств, позволяющим атрибутировать его подобным образом — плюрализмом подхода. Свобода аналитического «взгляда», способность интерпретировать совершенно новым образом привычные явления, ярко выраженное стремление к проблематизации и превращению в предмет размышлений,

казалось бы, привычных феноменов, имеющих устоявшуюся трактовку, — все это позволяет рассматривать данную монографию как находящуюся в русле той постмодернистской традиции, которая была открыта, как показано в работе, В. Розановым (это еще один парадокс!). Есть, пожалуй, только одно свойство монографии, противоречащее постмодернистской традиции, — невозможность говорить об этом тексте как о «самодостаточной процедуре смыслопорождения», предполагающей отсутствие Автора. В данной работе Автор постоянно присутствует в качестве его единственного источника и причины, в качестве фигуры отнесения представленного в «многомерном пространстве» книги исследовательского процесса к субъекту, которое создано Автором, но должно быть «расшифровано» и понято читателем. Читателем, который обеспечит книге долгую и продуктивную жизнь.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Эту позицию разделяет автор данной статьи, отстаивающий данную позицию в своих монографиях на протяжении 20 лет (Костина, 1999, 2005, 2006, 2009ab, 2018).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Виппер, Р. (1918) Гибель европейской культуры. М. : Знание — сила. 105 с.
- Захаров, А. В. (2004) Традиционная культура в современном обществе // Социологические исследования. №7. С. 105–115.
- Зоркая, Н. М. (1981) Уникальное и тиражированное (средства массовой информации и репродуцируемое искусство). М. : Искусство. 167 с.
- Кант, И. (1966) Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Сочинения : в 6 т. М. : Мысль. Т. 6. 743 с. С. 5–23.
- Каргин, А. С., Хренов, Н. А. (1993) Фольклор и кризис общества. М. : Государственный центр русского фольклора. 162 с.
- Кондаков, И. В. (2018) Русский маскульт: от барокко к постмодерну. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив. 544 с. (серия «Humanitas»).
- Конен, В. (1994) Третий пласт. Новые массовые жанры в музыке XX века. М. : Музыка. 162 с.
- Костина, А. В. (1999) Массовая культура: теория и практика. М. : Институт молодежи. 84 с.
- Костина, А. В. (2005) Массовая культура как феномен постиндустриального общества. 2-изд., перераб. и доп. М. : УРСС. 352 с.
- Костина, А. В. (2006) Народная, элитарная и массовая культура в современном социокультурном пространстве: структурно-типологический подход // Обсерватория культуры. №5. С. 96–109.
- Костина, А. В. (2009a) Национальная культура — этническая культура — массовая культура: «Баланс интересов» в современном обществе. М. : УРСС. 216 с.
- Костина, А. В. (2009b) Теоретические проблемы современной культурологии. Идеи, концепции, методы исследования. М. : Книжный Дом «Либроком». 288 с.
- Костина, А. В. (2018) Соотношение традиционности и творчества как основа социокультурной динамики. М. : Книжный дом «Либроком». 144 с.
- Ландау, Г. (1923) Сумерки Европы. Берлин : Слово. 373 с.
- Массовая культура : учебное пособие (2004) / К. З. Акопян, А. В. Захаров, С. Я. Кагарлицкая и др. М. : Альфа-М ; ИНФА-М. 304 с.
- Межуев, В. М. (2006) Идея культуры. Очерки по философии культуры. М. : Прогресс-Традиция. 408 с.
- Ницше, Ф. (2007) Так говорил Заратустра. М. : Культурная революция. 432 с.
- Ортега-и-Гассет, Х. (1991) Восстание масс // Эстетика. Философия культуры / вступ. ст. Г. М. Фридендера ; сост. В. Е. Багно. М. : Искусство. 588 с. С. 309–350.

Прокофьев, В. (1983) О трех уровнях художественной культуры Нового и Новейшего времени: проблеме примитива в изобразительном искусстве // Примитив и его место в культуре Нового и Новейшего времени / отв. ред. В. Н. Прокофьев. М. : Наука. 205 с. С. 6–28.

Хренов, Н. А. (1988) Зрелищные формы культуры и массовая публика // Зрелищные искусства. Обзорная информация. Вып. 2. М. : НИО Информкультура. 36 с.С. 15–16.

Шопенгауэр, А. (2011) Мир как воля и представление. Минск : Харвест. 848 с.

Ястребова, Н. А. (1984) Индивидуальное и массовое в советском искусстве. М. : Наука. 221 с.

Дата поступления: 12.09.2019 г.

*PONDERING OVER RUSSIAN MASSCULT
(ON THE RELEASE OF I. V. KONDAKOV'S BOOK)*

A. V. KOSTINA

MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES

A review of the publication: Kondakov I. B. Russian Masscult: from Baroque to Postmodern : monograph. М. ;SPb. : Centre for Humanitarian Initiative, 2018. 544 p. ("Humanitas" series).

Keywords: mass culture; I. V. Kondakov; baroque; Renaissance; Enlightenment; literary criticism; review

REFERENCE

Vipper, R. (1918) *Gibel' evropeiskoi kul'tury*. Moscow, Znanie — sila. 105 p. (In Russ.).

Zakharov, A. V. (2004) Traditsionnaia kul'tura v sovremennom obshchestve. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 7, pp. 105–115. (In Russ.).

Zorkaia, N. M. (1981) *Unikal'noe i tirazhirovanoe (sredstva massovoi informatsii i reproduktivnoe iskusstvo)*. Moscow, Iskusstvo. 167 p. (In Russ.).

Kant, I. (1966) Ideia vseobshchei istorii vo vseмирno-grazhdanskom plane. In: Kant I. *Sochineniia* : in 6 vol. Moscow, Mysl'. Vol. 6.743 p. Pp. 5–23. (In Russ.).

Kargin, A. S. and Khrenov, N. A. (1993) *Fol'klor i krizis obshchestva*. Moscow, Gosudarstvennyi tsentr russkogo fol'klora. 162 p. (In Russ.).

Kondakov, I. V. (2018) *Russkii masskul't: otbarokko k postmodernu*. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 544 p. (Issue «Humanitas»). (In Russ.).

Konen, V. (1994) *Tretii plast. Novye massovye zhanry v muzyke XX veka*. Moscow, Muzyka. 162 p. (In Russ.).

Kostina, A. V. (1999) *Massovaia kul'tura: teoriia i praktika*. Moscow, Institut molodezhi. 84 p. (In Russ.).

Kostina, A. V. (2005) *Massovaia kul'tura kak fenomen postindustrial'nogo obshchestva*. 2nd ed. Moscow, URSS. 352 p. (In Russ.).

Kostina, A. V. (2006) Narodnaia, elitarnaia i massovaia kul'tura v sovremennom sotsiokul'turnom prostranstve: strukturno-tipologicheskii podkhod. *Observatoriia kul'tury*, no. 5, pp. 96–109. (In Russ.).

Kostina, A. V. (2009a) *Natsional'naia kul'tura — etnicheskaiia kul'tura — massovaia kul'tura: «Balans interesov» v sovremennom obshchestve*. Moscow, URSS. 216 p. (In Russ.).

Kostina, A. V. (2009b) *Teoreticheskie problemy sovremennoi kul'turologii. Idei, kontseptsii, metody issledovaniia*. Moscow, Knizhnyi Dom «Librokom». 288 p. (In Russ.).

Kostina, A. V. (2018) *Sootnoshenie traditsionnosti i tvorchestva kak osnova sotsiokul'turnoi dinamiki*. Moscow, Knizhnyidom «Librokom». 144 p. (In Russ.).

Landau, G. (1923) *Sumerki Evropy*. Berlin, Slovo. 373 p. (In Russ.).

Massovaia kul'tura : uchebnoe posobie (2004) / K. Z. Akopian, A. V. Zakharov, S. Ia. Kagarlit-skaia et al. Moscow, Al'fa-M ; INFА-M. 304 p. (In Russ.).

Mezhuev, V. M. (2006) *Ideia kul'tury. Ocherki po filosofii kul'tury*. Moscow, Progress-Traditsiia. 408 p. (In Russ.).

- Nitsshe, F. (2007) *Tak govoril Zaratustra*. Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia. 432 p. (In Russ.).
- Ortega-i-Gasset, Kh. (1991) Vosstanie mass. In: *Estetika. Filosofii kul'tury* / ed. by G. M. Fridlendera ; comp. by V. E. Bagno. Moscow, Iskusstvo. 588 p. Pp. 309–350.
- Prokof'ev, V. (1983) O trekh urovniakh khudozhestvennoi kul'tury Novogo i Noveishego vremeni: probleme primitiva v izobrazitel'nom iskusstve. In: *Primitivi ego mesto v kul'ture Novogo i Noveishego vremeni* / ed. by V. N. Prokof'ev. Moscow, Nauka. 205 p. Pp. 6–28. (In Russ.).
- Khrenov, N. A. (1988) Zrelischnye formy kul'tury i massovaia publika. In: *Zrelischnye iskusstva. Obzornaia informatsiia*. Vol. 2. Moscow, NIO Informkul'tura. 36 p. Pp. 15–16. (In Russ.).
- Shopengauer, A. (2011) *Mir kak volia i predstavlenie*. Minsk, Kharvest. 848 p. (In Russ.).
- Iastrebova, N. A. (1984) *Individual'noe i massovoe v sovetskom iskusstve*. Moscow, Nauka. 221 p.

Submission date: 12.09.2019.

Костина Анна Владимировна — доктор философских наук, доктор культурологии, профессор, директор Института фундаментальных и прикладных исследований, заведующий кафедрой философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374-75-95. Эл. адрес: Anna_Kostina@inbox.ru

Kostina Anna Vladimirovna, Doctor of Philosophy, Doctor of Culturology, Professor, Director, Institute of Fundamental and Applied Studies; Head, Department of Philosophy, Culturology and Politology, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-61-81. E-mail: Anna_Kostina@inbox.ru

DOI: 10.17805/zpu.2019.4.24

Фундамент тезаурусной социологии

И. А. ПОЛУЭХТОВА

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. М. В. ЛОМОНОСОВА

Рецензия на издание: Луков, В. А. *Тезаурусная социология : в 4 т. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2018.*

Ключевые слова: рецензия; теория социологии; тезаурусный подход

В 2018 г. один за другим в издательстве Московского гуманитарного университета вышли четыре тома монографии В. А. Лукова «Тезаурусная социология» (Луков, 2018abcd). Многие годы в социологических исследованиях он применял тезаурусный подход, детально разработанный им и его братом, видным культурологом и литературоведом Вл. А. Луковым (1948–2014). Этот подход нашел применение и получил «порт приписки» во многих гуманитарных и социальных науках — философии, психологии, культурологии, филологии, политологии, антропологии, а также в таких сложных предметных областях социальных наук, как биоэтика, социальное проектирование, социализация и др. (Луков В., Луков Вл., 2008, 2013, 2014). Благодаря В. А. Лукову он стал активно использоваться в социологии молодежи.